

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДЕРЕВНИ?

Размышление на родине Василия Белова

В эту ночь, когда появилось сообщение о кончине Василия Ивановича, я работал с интернетом. И буквально через пятнадцать минут на различных информационных сайтах появилась версия причины, повлекшей за собой смерть писателя. По этой злой версии писатель не смог перенести пришедшей к нему вести о разграблении и осквернении местными жителями восставленной Беловым на свои деньги в конце восьмидесятых—начале девяностых годов деревенской церкви, возле которой он и завещал себя похоронить.

Сообщение о разграблении и осквернении церкви было придуманным. Никто не передавал его больному Белову, и умер он от болезней, но эта фальшивка прилепилась, и с утра только мне позвонили представители десятка всевозможных СМИ, даже из Ганновера звонили по поводу осквернённой церкви.

Хоронить Белова решили в Тимонихе, в родном краю, которому он посвятил всё своё творчество, который страстно защищал от наступающего запустения всеми доступными ему средствами: в газетах, журналах, книгах, в кабинетах больших чиновников, на трибуне Верховного Совета СССР.

Накануне в Тимониху был направлен бульдозер, который разгрёб не тронутые ногой человека снега, открывая доступ к деревне писателя и ещё к двум соседним деревням – Гридинской и Дружинникову, в которых давно уже не оставалось зимовать ни одного местного жителя...

Друзья и поклонники опустили гроб с телом основателя “деревенской прозы” в мороженую землю, помянули его в родовом доме, протопленном по этому случаю, и разъехались по большим и малым городам.

И осталась свежая могилка писателя одна среди безбрежных снегов, затопивших уснувшую округу, где только голодные волки топчут тропы меж деревнями, где ещё несколько десятилетий назад кипела и сверкала красками такая радостная и гармоничная жизнь северной крестьянской цивилизации...

Той осенью я провёл две недели в поездках по Краснодарскому краю. И после тёплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок возвращение на северную родину, где стояла мокрогогодная глухая осень, было тягостным. Впервые любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь ещё и Тимониха, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит. И хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособно наше сельское хозяйство?

В конце восьмидесятых мы с Александром Сидельниковым, убитым впоследствии снайпером при штурме Белого Дома, снимали большой фильм о судьбе русского крестьянства в XX веке. Были в деревне у Белова. Конечно, вид брошенных домов и тогда внушал тревогу, но были надежды на лучшую долю нашего села. В каждом колхозе, сельсовете были разработаны планы социально-экономического развития на ближайшие пять лет и на тридцатилетнюю перспективу.

Но социализм, кажется, был уже приговорён.

Тогда уже не оставалось ни одной сферы общественного устройства, которая не была подвергнута критике: одни комсомол развенчивали, другие партию, третьи пенитенциарную систему. Иные поставили под сомнение великие стройки, целесообразность создания рукотворных морей и гидростанций. . .

Некоторые фронтовики решили рассказать такую правду о минувшей войне, что не воевавшим захотелось поскорее сдаться в плен врагам. . . Досталось коллективизации, индустриализации, бесплатным медицине и образованию. . .

Мы радовались новой правде, вдыхая пьянящий воздух свободы.

И этот воздух настолько опьянил, что мы не заметили, что под ногами нет никакой опоры, которая удерживала бы нас на поверхности.

Наш "Титаник" пошёл ко дну. А если бы и не пошёл, то мне порой кажется, плыть ему было некуда. Критикуя и развенчивая то, что создавалось кровью и потом, никто не знал, чем всё это заменить? Куда же плыть дальше. . .

У нас была в то время встреча с Василием Леонтьевым, одним из выдающихся экономистов мира, уехавшим в Америку ещё в 1925 году. Леонтьев разрабатывал экономические модели развития для большинства успешных государств мира. Он готов был сотрудничать и с СССР. Он говорил: "Ваша экономика не самая лучшая, но и не самая худшая. Её не следует разрушать, нужно только наполнить её паруса ветром предприимчивости".

Действительно, так ли всё было плохо?

Недавно заехал ко мне один православный журналист.

— Был, говорит, в одном приходе, таком далёком и заброшенном, что, кажется, даже вороны туда не летают. Батюшка из последних крох поддерживает церковь в порядке. Но что могут пожертвовать с пенсии с десяток старух? А делать-то надо, то одно, то другое.

Приглашает последних мужичков на подмогу. А чем рассчитаться?

Берёт в руки шест, идёт в рошу, что рядом с церковью, сшибёт воронье или грачиное гнездо и мужикам отдаст. Те и рады. Тотчас несут в скупку: с гнезда пару бутылок водки выходит. Оказывается, в советские времена была в этой церкви мастерская по ремонту электромоторов. И все обрезки проводов алюминиевых и медных сваливали мастера в яму под забор. А догадливые птицы сообразили, что гнёзда лучше вить из проволоки, чем из прутьев: и легче, и долговечнее. И вот гнёзда эти пережили и перестройку, и гайдаровские реформы, но вот современных кризисов не перенесли. Посшибал батюшка на церковные нужды остатки социализма. Столько всего случается каждый день, что за сыплющейся горохом информацией начинаешь терять смысл: кто мы, куда пробираемся, чего взыскуем? И что не понравилось в прежнем, устоявшемся, беззаботном социализме. . . Осталось что-то вроде послевкусия. . . Чего-то там было нехорошо, а вот что — не помним. . . А-а! Очередь.

И вот нашёл я недавно свой собственный рассказ 1987 года. Прочитал и удивился. . . И хочу его вам предложить для размышлений:

"Ещё совсем недавно в селе имени Бабушкина стояла на пригорке небольшая кулинария, снабжавшая местное население замечательными пирогами. Не самим же печь пироги, если теперь есть специальные люди. . .

И вот как-то раз набилось в кулинарию народа за пирогами изрядно, даже на улице хвост. Ждут горяченьких. С пылу, с жару. . . С яйцами, луком, со сметаной, с палтусом. . . С холодным молоком — в самый раз. И тут на улице кто-то истошно завопил:

— Бабы! В раймаг золото привезли!

Очередь в кулинарии будто вымело. Дружной толпой ринулись местные модницы в универмаг под гору. Впереди, сверкая белоснежными колпаками и халатами, бежали пекари и продавцы. В один миг магазин оказался битком набит покупателями. Места всем не хватило, и на улице шевелился плотояд-

но огромный хвост очереди. И только начали было продавать золото, как снова на улице кто-то не по-хорошему заголосил:

– Бабы-ы! Кулинария горит!

Очередь ахнула, но с места не тронулась. И так стояла упорно, пока все не озолотились...

После этого не удивляет, что произошло с нашим народом во времена всеобщей “прихватизации”...

Увы, сегодня с уверенностью можно сказать, что новое руководство России не прислушалось к словам великого экономиста Леонтьева и пошло путём разрушения. Мне кажется, что инициатива, предприимчивость на местах в течение последних двадцати лет намеренно и жёстко пресекались.

Либералы, не создав сами ничего, паразитируя на созданной коммунистами материальной базе, разрушая её, ругают и клянут Сталина.

В девяностых годах я работал в Центре гуманитарных исследований института философии РАН, и мы проводили социологические исследования в деревнях и лесных посёлках Бабушкинского района.

Вот что выяснилось в результате опросов крестьян: “Самым благоприятным периодом жизни в деревне люди называли правление Брежнева, среди политических деятелей особо выделяли Маленкова, который после смерти Сталина в короткое своё правление прирезал колхозникам огороды и снизил налоги. И самым желаемым политиком называли Сталина”.

В конце восьмидесятых на экраны СССР у нас с Александром Сидельниковым вышел документальный фильм “Преображение” – о судьбе русского крестьянства в XX веке, многие сцены фильма мы снимали в лесных посёлках Бабушкинского района Вологодской области.

Лет пятнадцать спустя ко мне обратилась автор будущего фильма “Неподнятая целина” Светлана Сорокина с просьбой поделиться материалами о спецпереселенцах. Они хотели рассказать об ужасах сталинского режима.

Не сразу, но я согласился и привёз Сорокину в Тринадцатый Квартал, посёлок спецпереселенцев. И каково же было потрясение её, когда с порога люди, потомки репрессированных крестьян, стали заявлять, что они все сплошь сталинисты.

В лесных посёлках раскулаченных спецпереселенцев из Украины боготворили Сталина. Выселение на Север в леса оказалось для них спасением: сначала от грянувшего голода на Украине, от немецкой оккупации и мясорубки сорок первого года, раскулаченных стали брать на фронт позднее, когда потери пошли на убыль, ещё раз от голода 1948 года. Власть не ограничивала спецпереселенцев в возможностях держать огороды, скот, реки были полны рыбы, леса – дичи, а в лесной промышленности платили хорошие деньги... Рассказам этих свидетелей ужасного сталинского правления в фильме Сорокиной не нашлось места. Сталин, создавший индустрию СССР, – злодей, а вот Пётр I – реформатор.

Вот некоторые цифры времён его правления: “Реформы Петра I принесли на Север опустошение и упадок экономики. Ежегодно только кокшары (северные крестьяне) вносили в казну 129 руб. 4 алт. $\frac{3}{4}$ деньги с рыбных ловель, 99 руб. 26 алт. 5 ден. с бань, 18 руб. 16 алт. 1 деньгу с мельниц...”

А всего налогов платили 5063 руб., 4 алт., $\frac{1}{2}$ деньги. Хорошая рабочая лошадь тогда стоила 6 рублей, туша говядины на городском рынке “тянула” на 2 рубля, баранья туша – на 0,5 рубля. Чтобы рассчитаться только с основными налогами, крестьянин ежегодно должен был отдавать больше двух третей того, что могла вырастить и собрать его семья.

Ещё были и косвенные налоги: померный (за взвешивание на весах), хомутейный, шапочный, сапожный, кожный (за право изготавливать хомуты, шить шапки, тачать сапоги, выделывать кожи), “подушной с извозчиков”, с постоялых дворов, “пролубной” (за пользование прорубями на реках), водопойный, трубный с печей (за постановку трубы над печью), привальный и отвальный (с судов, шедших по рекам), “со всякой купли и продажи”.

Крестьянин у себя в волости носил бороду беспощинно, но при въезде в город и выезде из него платил за бороду по 2 деньги. Дворяне, чиновники и рядовое купечество, желавшие ходить с бородой, вносили в казну по 60 рублей, а купцы первой гильдии – по 100 рублей в год. После уплаты этого оброка им выдавалась медаль с надписью: “з бороды денги взяты”.

С каждой варки пива бралась явочная пошлина, со свадеб – купичные и убранные. Облагались “десятой деньгой” заработки деревенских батраков, плотников и бобылей. Кроме того, крестьяне платили за содержание земских властей – чиновников и приставов. Существовала также пошлина за земского дьячка – 50 копеек в год”. Такие вот реформы.

А вот некоторые цифры недавнего прошлого. В 1990 году в Тотемском районе было более 150 предприятий: колхозы, заводы, леспромхозы, строительные организации, автотранспортные предприятия. Особенно много было строителей, район испытывал настоящий строительный бум: двенадцать строительных организаций прокладывали дороги, строили промпредприятия, жильё, сельскохозяйственные объекты. Тотемский и Сухонский леспромхозы, лесхозы заготавливали 1 200 000 кубометров древесины. Накопления жителей района на книжках Сбербанка СССР составляли на душу населения более пяти тысяч рублей. После реформ и модернизации, проведённых либералами, в Тотемском районе не осталось ни одной строительной организации, промышленность умерла, нет ни одного крупного лесного промышленного предприятия. Лесу заготавливается частниками около 400 тысяч кубов при объёме годовой расчётной лесосеки в 2 миллиона 400 тысяч кубов. Два миллиона кубометров леса ежегодно уходят в переспевающие и погибают. Мощностей для того, чтобы взять их, давно нет, нет и дорог. Узкоколейки разобраны и сданы в металл, бетонные дороги тоже разобраны.

Однако вот загадка: неужели тотьмичи научились в этих условиях делать деньги? И, видимо, не малые. Выйдите на центральную площадь города, которая рябит вывесками: “Сбербанк”, “Уралсиббанк”, “Востокэкспрессбанк”, “Росгострахбанк”, “Совкомбанк”, “Пробизнесбанк”, “Россельхозбанк”, “Севергазбанк”, “Казначейство Госбанка РФ” и плюс ещё два банка коротких займов...

Тихий провинциальный город стал крупным центром банковского бизнеса? Кто бы прежде мог подумать, что можно ворочать капиталами при разрушенной экономике. Чудны дела Твои, Господи!

Сердце сжимается, когда задумываешься о том, что мы утратили.

Практически уничтожено льноводство, которое давало основной доход северному сельскому хозяйству. В Вологодской области совсем недавно был закрыт Красавинский льнокомбинат, построенный в середине прошлого века для переработки знаменитых югских льнов. Вологодский льнокомбинат также стал банкротом, не помогла и государственная поддержка, приезд Путина. Разве мир потерял интерес к экологически здоровой льняной одежде? Разве земля перестала родить лён?

Ещё несколько лет назад под Тотьмой, что находится в среднем течении реки Сухоны, в хозяйстве потомственного крестьянина Бориса Владимировича Жданова рентабельность льноводства составляла около 300 процентов. Мне сказали, что даже наркобароны не имеют такой прибыли. В том же хозяйстве урожайность зерновых на протяжении многих лет была около пятидесяти центнеров с гектара, а надои составляли 5-6 тысяч литров молока от каждой коровы.

200 лет назад тотьмичи основали в Северной Калифорнии крепость Росс для выращивания продовольствия для промысловиков русской Аляски. За эти годы сельское хозяйство Калифорнии ушло далеко вперёд, однако и здесь, на Севере, в наших условиях тотемские крестьяне вполне способны конкурировать с американскими земледельцами, работающими в условиях субтропиков.

И таких примеров можно было привести множество. В Любимском районе Ярославской области в последние годы, благодаря заинтересованному отношению руководства района, стало стремительно развиваться молочное животноводство. Девять самых современных молочных комплексов, словно гигантские нососы, качают молоко отличного качества в столицу. И рентабельность опять же огромная. И климат хозяину не помеха. Значит, можно успешно хозяйствовать, если на то есть политическая воля. Но, увы, повсеместно торжествует идеология управления по принципу “водку выпьем, бутылки сдадим, а на вырученные от бутылок деньги купим водки”.

В Тотьме, например, всеми правдами и неправдами успешного Жданова выжили, хозяйство пошло по рукам, потеряв свою самостоятельность.

В своё время Николай Верещагин, основатель маслodelьческой отрасли в России, говорил: если есть заливные луга, то не нужны и золотые прииски.

Действительно, в 1984 году СССР произвёл 2 миллиона тонн сливочного масла, это больше, чем Франция, Англия, Германия и США вместе взятые. С этой вершины Горбачёв начал разваливать страну.

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до 113 тысяч в 2011 году, а за последние годы до 49 тысяч. Знаменитые заливные луга, прославившие в своё время Вологодчину вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

В апреле 2013 года вице-премьер Ольга Голодец проинформировала общественность, что “38 миллионов россиян трудоспособного возраста работают непонятно где”. Нет, известно. Большая часть – 20 миллионов – жители села, владельцы личных подсобных хозяйств, у которых нет иных занятий, кроме работы на собственном огороде, с которого продать что-либо практически невозможно.

В разряд неперспективных поставлено 800 малых городов России...

В декабре 2011 года Эльвира Набиуллина, тогда министр экономического развития, заявила:

“Сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трёх процентов экономического роста... Есть оценки, что в течение ближайших двадцати лет из малых городов России может высвободиться порядка 15-20 миллионов человек”.

Ждёт ли их кто, жителей малых городов, в большом городе? Владимир Путин ставит задачу создания 25 миллионов современных рабочих мест. Каждое влечёт за собой сокращение от четырёх до десяти рабочих мест. Считайте! Модернизация влечёт за собой массовую безработицу. Такова логика развития. Мы становимся страной безработных. Государство наше, на которое мы не устаём уповать, выталкивает людей из деревень, а теперь и малых городов, закрывая школы, ФАПы, почты и магазины, укрупняя административные границы поселений.

Развитие высокотехнологического сельскохозяйственного производства так же ведёт к гибели деревни, сокращению занятости. Тем более, у капиталиста всегда велик соблазн в погоне за прибылями создавать ГМО продукты, использовать недопустимые объёмы химических удобрений, всевозможных стимуляторов роста, консервантов...

Прежде всего, горожанин страдает от некачественного продовольствия, которое вынужден покупать в супермаркетах, которые всё больше напоминают гигантские лохотроны. По данным учёных Новосибирской “ЭКО-Новы”, 90 процентов продуктов, которые мы покупаем в наших магазинах, опасны для здоровья и жизни.

Но вот по весне мои знакомые фермеры, выращивающие свиней, вынуждены были сжечь за деревней более тонны прекрасного свиного сала.

Не могли продать. Вернее, им не дали контролирующие органы, которые, видимо, защищают интересы крупных производителей. Сдавать на мясокомбинаты себе дороже, даже транспортные расходы не оправдаются. Мясокомбинат не даёт фермерам более тридцати рублей за килограмм самого отличного качества свинины. Наверное, австралийская кенгурятина выгоднее для производства колбас. А самим мелким фермерам, обложенным всевозможными запретами, условиями и поборами, переработку не потянуть.

Просто посоленное сало уже считается переработкой, разрезанное на кусочки – переработка, не дай Бог, копчённое в домашних условиях – запрет. Запрет на запрете... Даже на улице торговать мясом нельзя. Мало ли какой микроб залетит. Так они заботятся о нашем с вами здоровье, загоняя в супермаркеты с молоком, которое месяцами не киснет, мясом, выращенным на стимуляторах роста и т. д. Таким образом были уничтожены в наших деревнях коровы, молоко от которых отказывались принимать, ссылаясь на его низкое качество, а за ними пришёл черёд мелкого скота. Перестали выращивать бычков, гусей, кур... Теперь вот новый запрет – на подворный забой скота в деревнях, который напрочь уничтожает возможность держать в деревнях скот.

Вот что пишет мне Наталья Оленчина:

“Я очень хочу верить в прекрасное будущее русской деревни. Но, к сожалению, то, что я вижу вокруг, не вселяет оптимизма. Сама на своей шкуре ощущаю все прелести отсутствия цивилизации в деревне. У нас дошло до маразма: мы ездим в соседское село за молоком, этой осенью продали послед-

нюю корову в селе (хотя население около 2000 человек). А всё потому, что держать скотину убыточно, а ещё ветслужба постоянно стала находить какие-то болезни у животных. Может, кому-то это покажется удивительным, но у нас в районе даже объявления о продаже поросят дать нельзя, приедут и сожгут твоих хрюшек, здоровых и холёных. Мы с семьёй всей душой ЛЮБИМ ДЕРЕВНЮ, но порой не знаем, как в ней жить!”

Снова зададимся вопросом: может быть, это закономерный процесс исчезновения мелкотоварного производителя в наших северных деревнях? Нет же, всё наоборот. Вот как обстоит дело в развитых капиталистических странах.

“...Агрохолдинги стали ведущим аграрным укладом в России, Казахстане и Украине... В развитых аграрных странах доминирующим укладом агропроизводства остаётся семейная ферма. В России думают, что в сельском хозяйстве США господствуют крупные корпорации. Но это не так. На долю семейных ферм в США до сих пор приходится порядка 85% производства валовой сельхозпродукции. Примерно то же в Канаде и Австралии. В США и других странах за последние 100 лет было много попыток вторжения в аграрный бизнес крупных корпоративных структур. Но они в силу особенностей сельскохозяйственного производства оказались неудачными...” Автор этого заявления – генеральный директор Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) Дмитрий Рылько. Получается, что такие невыносимые условия для частного создаются только в России и на “постсоветском” пространстве. И в деревне нет жизни, и в городе никто не ждёт. Панель, существование на нищенские пособия, преступная среда, наркотики, болезни и преждевременная смерть... Рак стремительно выходит на первое место среди заболеваний.

Город как очередной этап развития человечества себя исчерпал. Об этом предупреждал ещё академик-генетик Николай Петрович Дубинин, доказавший, что у городского человека уже в четвёртом поколении начинаются опасные мутации на клеточном уровне.

Не берусь стать предсказателем, но, на мой взгляд, если мы сейчас не вернёмся к своим родовым гнёздам, не вцепимся в землю руками и зубами, не начнём отстаивать свои права и не позаботимся о будущем своих детей, то расклад наших недругов, что России достаточно 15 миллионов человек, чтобы обслуживать нефтепроводы, скоро станет реальностью...

Но не будем впадать в пессимизм. Не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он всё же верил в возрождение села, а вместе с ним – и всей России.

Временная городская прописка деревни

Несколько лет назад в эфире Первого канала в передаче А. Гордона “Россия 2030” мне довелось дискутировать с заместителем директора Института философии РАН С. А. Никольским о будущем нашего сельского хозяйства.

Причём Никольский стоял на позициях пессимиста, утверждая, что наше сельское хозяйство ожидают худшие времена и что в принципе перспектив у нашего села, по крайней мере, на Северо-Западе России, нет.

Я же стоял на позициях оптимиста, хотя в России, говорят, с конца XIX века слова “оптимист” и “идиот” – слова-синонимы. Ну, а кем мне остаётся быть, как не оптимистом, имея четверых детей? И как бы ни плачевно было состояние нашей деревни, экономики её и государства в целом, мы должны жить по пословице: “Помирать собирайся, а рожь сей”.

Какие же аргументы дают основания сохранять оптимизм?

Если обратиться к нашей истории, то мы найдём в ней немало аналогов современному дню. В своё время мне доводилось общаться с профессором Вологодского пединститута Петром Андреевичем Колесниковым, который выявил алгоритм подъёмов и спадов в нашей сельской местности.

Многочисленно “мор и глад”, набеги врагов обескровливали наши территории, в XVI веке бубонная чума выкосила почти половину населения, после реформ Петра мужского населения здесь практически не оставалось, а сколько войн всеми тяготами легло на плечи деревень! Малые, молодые деревни, хутора, починок исчезали, но сохранялось ядро, корневые деревни, выживавшие при любых обстоятельствах, от которых вновь вырастали молодые побеги.

И если сегодня взглянуть на административную карту области, то можно увидеть следующую картину: погibli, в первую очередь, молодые деревни, а восемь тысяч корневых остались и, худо-бедно, внушают надежду, что они сохраняют себя и далее.

У нас есть возможность сделать и городскую жизнь более привлекательной и безопасной. Для этого нужно вспомнить наши деревенские традиции. А мы, по сути дела, кто в первом, кто во втором колене, и есть самые настоящие крестьяне. Более того, почти у всех — у кого в деревне, у кого в дачном кооперативе — есть в собственности клочок земли.

На Руси говорят: “Своя земля — и в горсти мила”. Что могут пятнадцать-двадцать родительских соток? При рациональном подходе к ним — очень многое. По крайней мере, горожане могут обеспечить себя, детей и внуков овощами, ягодами, яблоками. А теперь в наших краях растут и груши, и сливы, и даже виноград. Я встречал в печати такую цифру: 60 процентов производимого продовольствия приходится на наши приусадебные и дачные участки.

Но зайдите в супермаркет: начиная от картофеля, заканчивая фруктами — всё заграничное, импортное... Неизвестно какого качества. Скорее всего, выращенное китайскими или польскими земледельцами с использованием современных технологических подкормки и борьбы с вредителями. Во весь рост встала перед нами проблема генно-модифицированных продуктов...

В конце января 2014-го при Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени Бабушкина я собрал первое организационное заседание общественного движения “Вологодская деревня. Будем жить!” В нём приняли участие, помимо простых граждан, озабоченных разрушением деревни, учёные, руководители хозяйств, фермеры, предприниматели, мастера народных промыслов, писатели, хранители сельской культуры... Порадовало, что подавляющая часть пришедших поддержать деревню настроена позитивно и намерена делами повлиять на сложившуюся ситуацию в селе или, по крайней мере, обеспечить себя и свои семьи безопасным продовольствием. Отлично, что много было молодёжи, примеряющей на свои плечи сельскую жизнь. И не всё так уныло и бесперспективно. Олег Коншин из деревни Пожарища рассказал о своём опыте сохранения деревенских традиций, обрядов, которые помогли сохранить и саму деревню. Сегодня на постоянное жительство в их общину едут из разных городов, из Москвы, и даже из Канады приехала молодая семья. До революции вся русская сельская жизнь уверенно покоилась на трёх китах: соборность, заединщина, артельность. То есть основные проблемы решались всем миром, общество объединяли единые цели, и всё большое и многотрудное создавалось артельно. В городе, надо признать, мы настолько разобщены, что часто не знаем соседей по лестничной площадке, превращаясь для искателей политической власти в электорат, которым легко манипулировать.

Но вот появились “товарищества собственников жилья” и это радует, потому что в рамках этих товариществ возможно самоуправление, те самые соборность и заединщина, и даже артельность, которые позволяли селянам решать самые сложные вопросы и выживать в самых суровых условиях Севера. На этих испытанных китах можно и нужно выстраивать городскую жизнь, не позволяя себя закабалить и отравлять.

Мы, горожане, способны сами обеспечить себя и картофелем, и морковью, и яблоками, яйцами и даже мясом, объединившись и специализировавшись. Нам нужна кооперация и координация.

Вспомним Александра Чаянова, всемирно известного теоретика российской кооперации. Кооперация — эффективная защита мелкого производителя от крупного капитала. Закон о кооперации не даёт возможности государственного вмешательства в её деятельность, она избавлена от непосильных налогов и требований, которые несёт современный мелкий и средний бизнес.

Идея объединения, создания своей виртуальной пока площадки для обмена продовольствием нашла широкую поддержку.

Вот характерное письмо из приходящих сейчас в мой адрес:

“Мы с мужем хотим возродить какую-то вологодскую деревню. Хочется, чтобы была именно деревня как общность людей, а не индивидуальная усадьба. Хотим пригласить единомышленников, примерно 10 семей. Сделать общие мастерские, установить правила и т. д. Хотела у Вас спросить — не знаете ли Вы, где можно узнать информацию о таких деревнях (так, чтобы оставались

столбы для электричества, какая-то дорога, пусть и не хорошего качества). Нам бы хотелось примерно Сокольский, Сямженский или Тотемский район. Но можем и другие варианты рассмотреть. Заранее спасибо.

Меня зовут Тамара Старцева. Мы сейчас как раз продаём, рукодельный бизнес – производство товаров для рукоделия и хотим заняться русскими северными народными ремёслами, русской северной культурой и т. д. Поэтому и мастерские хотим организовать для работы с натуральными материалами: деревом, льном и другими. В первую очередь, хотим сами освоить несколько ремёсел”.

И такое письмо не единственное. Их много. Люди хотели бы покинуть город и уехать в деревню, но пока не знают, как это сделать. Для этого создано наше движение, в котором сейчас уже более тысячи человек. В каждом из нас в большей или меньшей степени живёт стремление к самостоятельности, к реализации себя как хозяина на земле. И многие уже осели на земле. Вот Рома Кренделев, вчерашний выпускник сельхозакадемии, в короткое время стал хозяином фермы, на которой и лошади, и коровы, и пекарня. Рома продаёт в придорожном ларьке цельное молоко, сметану, творог, хлеб на закваске без дрожжей. . . Сделать это, имея круг друзей и единомышленников, значительно легче.

Если говорить о мировом экономическом кризисе и способах выхода из него, то редко кто из политиков, экономистов говорит о том, что это, прежде всего, кризис “общества потребления”, которое уже практически исчерпало ресурсы планеты, отравив её отходами цивилизации, сосредоточив население в городах и гигантских мегаполисах. И сегодня положение городов кажется более драматичным, чем положение села.

На работу, как на праздник

Мы живём в непростых климатических условиях.

...Западные аграрии красят нашу северную территорию в белый цвет, где, по их мнению, сельское хозяйство невозможно, а значит, невозможна и жизнь. Действительно, у нас среднегодовая температура отрицательная. Нам всё даётся гораздо большими трудами и затратами, чем на Западе под тёплым боком Гольфстрима.

Однако мы живём в этих условиях тысячелетиями. Более того, русский народ сумел создать такую уникальную культуру, которая позволила сделать этот чрезвычайно тяжёлый, порой до кровавых кругов в глазах труд желанным и радостным.

Откройте календарь земледельца, и вы увидите, что в нём нет практически ни одного дня, не опозитизированного, не украшенного каким-либо обрядом, праздником, традицией. . . Легко заметить, что в русском языке “работа” и “праздник” имеют один корень.

Один лишь маленький пример, взятый наугад.

“Фролов день” – 5 декабря. В этот день все от мала до велика отправлялись на общественную работу по расчистке троп и дорожек к амбарам, овинам, к реке, провешивали ветками переходы и обозначали будущие дороги, чтобы в метель путник не заблудился.

А ближе к вечеру выносились на улицу столы, угощения и общинное пиво в честь такого славного трудового почина. А 7 декабря – Катерина Санница. Это уже не праздник, а сплошная поэзия души. Готовятся сани, возки, чистится упряжь, сами лошади, гривы и дуги украшаются лентами. В возке – медвежья полость, а в ней – молодожёны, которые сыграли свадьбу на Покров день. С ними тёщи, свекры, деверья, невестки, разодетые в пух и прах. Этакie смотрины семейного благополучия. . .

А что стоит, например, празднуемый в конце апреля “ляльник” – праздник любви, женщин и детей!

Когда противоречие между праздниками сценическими и подлинно народными стало критическим и не в пользу последних, тогда при поддержке губернатора области Позгалёва я написал сценарии и поставил до двадцати народных праздников, которые сегодня уже прижились и пользуются неизменной любовью и популярностью у народа.

Так, например, Праздник Коня с соревнованиями троек, с катанием с ледяных гор, взятием снежной крепости, гонками самодельной техники,

смотрителями молодых семей собирает по 15-20 тысяч человек, которые не просто зрители, а активные участники всех игрищ.

Праздники Топора, Коровы, Самовара, Русской Печки, Пирога, Живой воды, Шоу драндулетов, Банная ассамблея возвращают народу утраченную способность самому ежечасно и ежедневно творить свой мир, свою культуру. Праздники эти давно уже перешагнули границы Вологодской области и широко шагают по стране.

В деревне Пожарища Нюксенского района Олег Коншин ещё паренком начал собирать деревенские обряды, песни, сказки, истории. Он сумел вокруг себя, вокруг деревенских традиций объединить народ, сделать их жизнь осмысленной и наполненной красотой. Деревня в нынешней экономической сумятице сумела сохранить себя, школу, производство и удержать на земле молодёжь.

Подальше от сцены, от разрушающего влияния телевизора, поближе к своим корням, традициям. И жизнь наша наполнится новым осмысленным светом!

Универсальная деревня

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ – что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец XIX века было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремёсел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность.

Я с трудом смог насчитать около пятидесяти сельских специальностей, и то этот список был внушительным, хотя до трёх тысяч было далеко.

Я решил сознательно собирать всё, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремёслах, делая записи в свой дневник...

И скоро понял, как многого я не знал... Деревенская жизнь и история стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной... Русская деревня была настолько универсальной, что могла делать всё: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространённым было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Запада: аграрно-кустарный. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего?

Я всё чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности и, несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на её долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания. И это ещё не всё.

Я думаю, что универсальность нашей деревни является бесценным наследием, которое позволяло вчерашним полуграмотным крестьянам становиться учёными с мировыми именами, политиками, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими ослабленную агрессивную военную машину фашистской Германии. Думаю, что это наследие ещё послужит нам.

Уже много лет в районном селе Сямже существует традиция: по весне на труднодоступное Шиченгское озеро выезжает отряд рыбаков-любителей на самодельных болотоходах. Этим вездеходам не страшны ни разбитые просёлки, ни вздувшиеся водопольем реки, ни болота, ни само озеро с расплывающимся льдом... Болотоходы эти способны идти как по льду, как по ледовой каше, так и по воде...

Александр Агеев, фермер из Кириллова, владеет передаваемым по наследству секретом кладки бездымных печей с очень высоким коэффициентом полезного действия...

У деревенского изобретателя из Шекснинского района Чистякова, ныне, к сожалению покойного, было более двадцати авторских свидетельств на изобретения, среди которых ни много ни мало – комбайн “Русь”, способный убирать без потерь самые высокие урожаи. У Валентина Петровича был свой вет-

ряк на крыше, который производил необходимое количество электроэнергии, а с помощью бензопилы он пахал огород, окучивал картошку, косил сено...

Мне кажется, что единственным залогом сохранения деревни и в целом сельского хозяйства является многоукладность её экономики, универсальность нашей северной деревни. Крупные животноводческие комплексы, автоматизированные и роботизированные, несмотря на всю их экономическую выгоду, иссушают деревню, лишают работы её жителей.

Никогда и прежде экономика нашей деревни не строилась на производстве одной лишь сельскохозяйственной продукции. Слишком многотрудно и затратно давались на Севере хлеб, молоко, мясо.

А потому наш северный крестьянин в большей степени производил продукты питания для внутренних потребностей, за исключением разве масла и льна. Все остальные необходимые для жизни средства он добывал прикладными промыслами, охотой, рыбалкой, бортничеством, извозом, плотничьим ремеслом, солеварением, отхожими промыслами, уходил за Урал в Сибирь за мехами и за хвостом соболя добежал до Тихого океана, а там, построив корабль, добрался и до Америки... И надо заметить, что северный крестьянин не был бедным. Достаточно проехать по деревням на реке Сухоне, чтобы понять это.

Занимаясь сбором материалов о народных промыслах, я сумел собрать и описать в детской приключенческой повести "В поисках забытых ремёсел" около 400 бытовавших в наших краях промыслов и ремёсел.

И надо сказать, что возвращение к ним в наше время спасли от вымирания целые сельсоветы: например, катавальный промысел Николая Сайкина дал работу и смысл жизни целому округу, гончарный промысел Мишенцевых вытаскил из забвения также целую округу, плотницкое ремесло кормит сегодня многие районы...

Власть земли

В своё время Глеб Иванович Успенский, большой знаток и исследователь русской деревни, вывел знаменитую формулу существования русского народа: "Русский народ до тех пор велик, терпелив, могуч, до тех пор держит на своих плечах вся и всё, покуда царит над ним власть земли, пока живёт в его сознании невозможность послушания её повелений... Уберите эту власть... и нет уже того великого, терпеливого, могучего народа... наступает страшное "иди, куда хошь"."

Нет смысла говорить, что в 17-м году была нарушена эта связь, народ лишился земной власти, а между крестьянином и землёй встал посредник: комиссар, уполномоченный, работник райкома... А когда обрезали последние сотки приусадебного огорода, которые ещё хоть и слабо, но удерживали крестьянина на земле – вот тогда-то и наступило страшное "иди, куда хошь"... Но и сегодня мы не избежали до конца от этого пагубного посредничества между крестьянином и землёй...

Нравственные, психологические утраты в современной деревне колоссальны. Порой кажется, что уже не за что зацепиться, не отродится крестьянский корешок. Однако у нас есть мощнейшие инструменты воздействия на умы, которые служат сегодня не созиданию, а направлены на разрушение. Я говорю о средствах массовой информации и, прежде, электронных СМИ. Русский человек – носитель общинного сознания. Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдёт отклик в душе русского человека и позовёт его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.

"Скрытая война"

Мы плохо знаем свой народ. Особенно северный. "Мы" – я имею в виду тех, кто хочет понять происходящие сейчас процессы.

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в Институте философии РАН. Обсуждались вопросы "развития и реформирования агропромышленного комплекса страны", который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался.

Наверное, было непросто учёным со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на

страницах книг и газет, выработать единственно верную “Стратегию реформирования села в XXI веке”. И вот одна учёная дама немолодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: “Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...” Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жёстко возразить:

– Обвиняют русский народ в воровстве только невежды да правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаюсь навязать свои правила, и ещё тот, кто сознательно создаёт миф о вороватости русского народа.

Теперь я в своей почте нахожу подтверждение тому, что миф этот приживается уже в самом народе: “Мы умеем воровать...” А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям, говорили о том, что хозяина нет дома. И всё. Русский народ – носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни.

В деревне каждый человек на виду, и даже такая поговорка была: “Худой, да свой”. И воровство в деревенском мире было просто невыносимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего унижения и разрухи эти принципы деревенского общежития остаются главными в нашем селе.

А как же тогда с растащивкой, которая со времён Хрущёва и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили корма, сено, молоко, зерно из амбаров?..

А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то своё. Скорее, это было восстановлением поправленной справедливости, когда в деревенской мир вторглось государство, отбирая практически всё, понуждая работать “за палочки”, вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

Когда реки и озёра, рыба в них перестали принадлежать деревенскому обществу, когда леса и уголья, на которых кормились столетиями и тысячами нашими предками, перестали принадлежать нам, когда под запреты попали и дерево, и рыба в реке, и заяц в лесу, медведь на овсе, когда появилась охрана, сберегающая природу для какого-то неведомого дяди в лимузине...

Кто и что у кого украл?

А учёные в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в XXI веке. Кого и как реформировать?

И когда меня спросили об этом, то я совершенно убеждённо сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами.

Обиделись... А на кого обижаться нам?

Почему люди не хотят работать сейчас в деревнях и сёлах... Почему ломаются трактора в полях, валочные машины на лесосеках, пилорамы... Почему пьют?

Наверное, потому, что здесь, на Севере, где труд чрезвычайно тяжёл, веками утверждалась система общинно-складнического способа земледелия, когда результат можно было получить только общим напряжением и общими усилиями. И поэтому даже небольшой результат этот должен был бережно и справедливо поделён.

Потому, видимо, у нашего северного народа общинное самосознание и его природное стремление к справедливости в нынешних условиях оскорблено и требует “сатисфакции”.

Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочется сразу из грязи да на Багамы, прибрав всю прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

Земли будущего

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на “Известия архангельского общества изучения северного края”, пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединённых Штатов Америки провёл

под руководством известного учёного, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России. Не зря американцы послали в Архангельск свои войска в годы гражданской войны в России...

Какие факторы были в пользу этого? Длинный световой день, обилие прямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы “землями будущего”. И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

Загадка русского человека

О русском человеке нашими недругами сложено немало мифов и легенд, далёких от истины. Вот одна из них: русский Иван чрезвычайно ленив и большей частью спит на печке, когда западный фермер трудится не покладая рук.

Но как сравнить затраты на производство единицы, скажем, литра молока где-нибудь под боком тёплого Гольфстрима, и у нас, на Севере, когда нужно построить тёплый двор и тёплый дом с печью, заготовить на всю зиму дрова, пошить шапки, шубы, тулупы и рукавицы, скатать валенки, на всю зиму заготовить корма для скота и продовольствие для всей семьи.

Но всё дело в том, что особые климатические условия диктуют крестьянину и особый ритм жизни и деятельности: девять месяцев относительного спокойствия, когда можно подольше полежать на печи, и три летних месяца, в течение которых ему нужно осилить годовой объём работ.

И вот эта особенность и создала на протяжении столетий и тысячелетий особый характер и темперамент русского человека, эту способность в критический момент к великой мобилизации, на которую не способен ни один другой народ. И вся наша история, все труды наших писателей, исследовавших феномен русского народа, говорят об этой великой способности к мобилизации.

Не зря же сказано в народной пословице: “Русский мужик долго запрягает, но быстро едет”.

И я верю, что и в этот раз ему достанет той удивительной, не видимой до поры до времени потаённой энергии, чтобы встать во весь рост и поехать в своё великое будущее...

* * *

Сегодня клуб “Вологодская деревня” объединяет более тысячи человек. И основная задача его — объединительная.

Верю, что в постиндустриальном обществе будут другие побудительные причины жить на земле. И владение собственным участком на земле будет намного престижнее и круче, чем городская, упакованная гаджетами квартира...